

Идея С. Кьеркегора об открытости человека и её роль в воспитании

*Л. П. Буюва (Институт философии РАН)**

S. Kierkegaard's idea of the openness of man and its role in upbringing

L. P. Bueva (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences)

Аннотация: В статье анализируется роль Кьеркегора в разработке психологии личности. Отмечается роль свободы в формировании человека. Обозначается кьеркегоровская типология личности. Описывается развитие его идей в педагогике и психологии.

Ключевые слова: философия, личность, трагизм свободы, этика, страх, личностный рост.

Abstract: The paper analyses the role of Kierkegaard in development of the psychology of the personality. The role of freedom in the formation of an individual is noted. Kierkegaard's typology of the personality is presented. Development of his ideas in pedagogy and psychology is described.

Key words: philosophy, personality, tragism of freedom, ethics, fear, personal growth.

Сёрен Кьеркегор (1813-1855) – датский философ, считавшийся предшественником экзистенциализма. На формирование взглядов Кьеркегора большое влияние оказала личная жизнь философа. Он родился в семье торговца шерстью. В его доме царила суровая религиозная атмосфера, созданная отцом, который считал себя виновным в том, что в детстве совершил акты богохульства. Однако отец распрощался с Богом. С. Кьеркегор впоследствии провел много времени в раздумьях, решая последовать ли примеру отца или нет.

В 1830 г. Кьеркегор начал изучать теологию, философию и психологию в Копенгагенском университете, но сдал экзамен по теологии только в 1840 г.

Крайне важное событие в его жизни – знакомство с Региной Ольсен, которая впоследствии стала героиней его философских сочинений. Обручившись с ней, Кьеркегор готовился принять пасторский сан и одновременно работал над магистерской диссертацией, озаглавленной «О понятии иронии, с постоянной ссылкой на Сократа» (1841). В том же году внутренний конфликт, вызванный осознанием невозможности семейной жизни из-за обнаружившегося физического недуга (вероятно, Кьеркегор

* Буюва Людмила Пантелеевна — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (499) 241-57-50.

страдал эпилепсией) изменил его планы. Сёрен готовился к свадьбе, но неожиданно отказался от своих намерений. Можно полагать, что Кьеркегору открылась судьба одинокого писателя.

После разрыва с невестой Кьеркегор жил замкнуто, занимаясь литературной работой. В конце жизни вел активную полемику с теологическими кругами. Его труды выходили под различными именами.

Философские взгляды Кьеркегора возникли как своего рода реакция на Гегеля. Он резко выступал против последнего, критикуя его за субъективизм. В философии Гегеля Кьеркегору не нравилась идея, согласно которой индивид рассматривался как носитель заранее определенной судьбы. Роль этого рока играл исторический процесс как проявление абсолютного духа.

Кьеркегор считал, что такая позиция выражает стремление исключить самостоятельность и свободу личности, снять с нее ответственность за действия. Такому пониманию личности датский философ противопоставил идею абсолютной свободы личности. Он утверждал, что человек не зависит от природных явлений, общественных влияний и других отношений, которые связывают человека с другими людьми. Стать личностью, по Кьеркегору, можно только освободившись от всего внешне существующего. Человек должен сам принять на себя полную ответственность не только за себя, но и за свои поступки.

Отечественный философ С.С. Хоружий отмечает, что в европейской философской классике сложилась традиция антиантропологичности. «Человек оказывался вторичным и служебным, лишенным самостояния и самоценности. Не в меньшей степени, чем забвение бытия, диагностированное М. Хайдеггером, в классической метафизике воцаряется забвение человека. Дискурс не оставлял больше места для антропологически ориентированной мысли и творческое развитие антропологии могло теперь происходить лишь вне классического руслу, в споре с ним» [8, с. 15].

Первым значительным опытом в этой линии антропологического протеста стала философия Сёрена Кьеркегора. Самым значительным и плодотворным оказалась его идея о том, что человек «должен сделать себя открытым». В этом самопреобразовании себя в открытость, иначе говоря, в размыкании себя, складывается личность и идентичность человека.

Философская антропология существует сегодня во множестве вариантов. Прежде всего, в ней обнаруживается обостренный интерес к экзистенциальным (жизненным, трепетным) состояниям человека. Всё чаще мыслители обращаются в наши дни к человеку, когда он захвачен страстью, в этот миг в нем открывается всечеловеческое, надмирное и земное. Философы стараются взглянуть в человека, увлеченного сильнейшим порывом. Драма человеческого существования раскрывается именно в упоении страстями.

Входя в мир тончайших человеческих переживаний, философы осмысливают такие экзистенциалы, как страх, отчаяние, страдание, одиночество, ощущение бренности.

Современная философская антропология стала возможной во многом благодаря анализу человеческого существования, предпринятому С. Кьеркегором. Его исследование человеческой субъективности, то есть внутреннего мира человека позволило дать осмысление «человеческой ситуации» многим теологам и философам прошлого века. Антропология Кьеркегора – по преимуществу религиозная антропология. Она имеет сегодня значительную ценность. Каждая религия имеет ярко выраженное антропологическое содержание. Она, прежде всего, содержит в себе образ человека, отвечает на вопрос: какова участь человека и его цель на земле? В чем смысл его существования? Где отправная точка и завершение путешествия, именуемого «жизнь»? Мыслим ли идеальный человеческий образ, и был ли он когда-либо реализован в жизни? Религиозная антропология обретает глубокий метафизический смысл.

Для Кьеркегора важны лишь формальные определения тех понятий, которые он рассматривает: свобода, личность, выбор. Свобода, по его мнению, это возможность реализовать выбор «или-или» (одна из работ Кьеркегора так и называется «Или-или»). Здесь Кьеркегор рассматривает не содержание, которое охватывается понятиями «свобода» и «выбор», а лишь сам факт выбора, или как отмечал философ, «лишь действительность акта выбора». Сделав выбор, душа остается наедине с собой, уединяется от всего мира и созерцает Бога.

Так учение Кьеркегора принимает религиозную окраску. Если человек причащается к Богу, то его индивидуальная свобода тоже растворяется в Боге. Бог у Кьеркегора гарантирует индивидуальный выбор личности, то есть гарантирует общезначимость этических поступков отдельной личности. Кьеркегор последовательно выступал против стремления понять личность как момент объективного духа, как часть истории. Такая позиция, считал он, отдает индивида во власть «анонимного всеобщего», отрицает свободу, снимает личную ответственность, лишает человека возможности относиться к окружающему миру и самому себе с точки зрения нравственного выбора. Только индивидуальный выбор, исходящий из глубин нашего Я, при полной независимости от природных и общественных связей создает подлинно личностное бытие человека.

Способность человека к постоянному осознанному и ответственному выбору означает готовность личности отстаивать свое достоинство и уникальность. С выбором связано и другое экзистенциальное понятие – свобода. Не выбрав добровольно и сознательно себя как субъекта, имеющего

высшее предназначение, невозможно вступить в свободные отношения с Богом (а именно так Кьеркегор представлял смысл человеческого существования – свободное бытие перед лицом Бога). Человек, вступающий в мир кьеркегоровской философии, должен прийти в состояние экзистенциального страха и тревоги и даже отчаяния. Это же, в свою очередь, может подвигнуть его на принятие ответственного решения и поиск последних оснований (то есть Бога). Кьеркегор обратил внимание на парадоксальное сочетание в человеке конечности и бесконечности, временности и вечности. Это сочетание можно объяснить с помощью такой категории, как «интерес» или заинтересованность в существовании, которую можно также обозначить как «страсть».

По мнению Кьеркегора, человек проходит на пути к Богу три стадии существования: эстетическую, этическую и религиозную. Эстетический способ существования оценивается Кьеркегором как мнимый и даже опасный. Эстетик зависим от внешних условия, подвержен сиюминутному (по выражению Кьеркегора, «раб минуты»). Он постоянно меняет маски, отдаваясь разного рода наслаждениям (чувственным, интеллектуальным, художественным и др.), убегая от бремени личностного самоопределения, от выполнения поставленной перед ним задачи – реализовать себя. Эстетический человек живет переживаниями мгновения. Эстетическая стадия – жизнь непосредственная, когда человек не задумывается о смысле своего существования, о последствиях своих поступков, живет, прежде всего, чувственными удовольствиями. Ложная беззаботность, ложное довольство жизнью – такой человек переживает по сути дела состояние животного или, в лучшем случае ребенка. Именно так, по мнению Кьеркегора, живет большая часть людей. Они никогда не выходят из состояния детства или юности. Непосредственный (эстетический) человек никогда не приходит к пониманию того, что он есть дух, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога.

Но человек, который живет внешней непосредственной жизнью, постоянно испытывает чувство тревоги, дисгармонии, страха перед неизвестным. Однако у человеческой природы есть свои императивы. Она и выдвигает перед человеком требование быть духовным. Человеку приходится выбирать: оставаться ли ему в своем поверхностном бездумном существовании, переживая как счастье наслаждение жизнью, или выбрать собственную природу и оказаться человеком нравственным. Путь к этому второму уровню существования идет через отчаяние. Отчаяние – не средство утешения. Это подготовительный душевный акт, требующий серьезного напряжения всех сил души.

Этический способ существования предпочтительнее в силу его созидательности (этическое впервые делает человека единичным, уникальным), однако он неидеален, поскольку осуществляется в рамках всеобщего. «Этический человек» черпает смысл жизни в служении абстрактному долгу или будущему. Этическое и эстетическое должны в конце концов приводиться субъектом в гармонию – так, чтобы эстетическое подчинялось велениям этических категорий. Однако этическая стадия существования тоже не обладает полнотой подлинности и надежности. Тот, кто не испытал отчаяния, не в состоянии схватить истинную сущность жизни. Но этическое существование, к которому человек приходит через отчаяние, не является высшим уровнем развития человека. Если нравственный закон общезначим, то это означает, что он безнравственный. У каждого есть свой долг. Он обязывает человека быть самим собой, стремится обрести себя.

Единственным подлинным способом существования Кьеркегор считал религиозный, наиболее адекватное выражение которого явлено в христианстве. Религиозный человек тоже находится в состоянии постоянного экзистенциального выбора. Но его выбор – это не эстетическое и даже не этическое предпочтение из конечного ряда альтернатив (такой выбор таит в себе опасность усреднения), а выбор абсолютных требований, предъявляемых человеку Богом (которые иногда могут вступать в противоречие с общественной этикой). Только на религиозной стадии личность осуществляет прорыв к «подлинному существованию». Оно связано с осознанием перехода его конечности в бесконечность мира, исходного одиночества и значения смерти.

Эти стадии человеческого роста надо понимать не хронологически, сначала будто бы человек находится в эстетической стадии, а, в конце концов, оказывается религиозным человеком. Стадии понимаются сущностно и содержательно. Последовательная смена «стадий» существования является желанным, но далеко не единственным путем развития человеческой личности. Можно сказать, что она является даже исключением. Отнюдь не все индивиды достигают уровня подлинной религиозности, и даже этического уровня существования.

Кьеркегор описывает ряд человеческих состояний: вера, отчаяние, страх. Уникальное свойство веры – быть свойственной в ее подлинном выражении исключительно религиозному уровню экзистенции. Кьеркегор определяет веру как страсть к Абсолюту, как такой интерес к подлинному существованию, который может помочь концентрации экзистенции, то есть обретению цельности личности и осуществлению настоящего предназначения человека. Акт веры – это акт мужества, возможный только в

крайней точке напряжения экзистенции. Это парадокс, который соединяет в человеке конечное и бесконечное, время и вечность.

Именно вера отличает прежде всего религиозного человека. Вера – самое высокое в человеке. Вера – это тот интерес к подлинному существованию, который может удержать в одной точке моменты экзистенции. «Молчание Авраама» сопутствует каждому, кто добирается от религиозной фазы существования. Религиозный человек верит подобно страсти, страсти к абсолютному, священный ужас, прыжок в абсурд.

Обыденность господствует везде, где человек полагается только на свои силы, на свой разум. Истинная вера является выходом и спасением не для каждого человека. Некоторые люди словно заключили союз с дьяволом. Если для победы над своим животным началом достаточно обратиться к этическому, то для победы над дьяволом одной этикой не обойдешься. Здесь может помочь только Бог. Своими слабыми силами человек ничего сделать не может.

Отчаяние – смертельная болезнь духа. Христианин должен познать себя – познать всю глубину своего отчаяния, чтобы встретиться с Богом лицом к лицу. Лишь осознание поврежденности своей природы, признание своей греховности, собственной ничтожности может стать толчком на пути к подлинной личности, ибо подлинность существования обретается только перед Богом, полагает Кьеркегор.

Отчаяние тотально, оно распространяется на весь человеческий род и каждого человека в отдельности. Одной из причин, почему человек боится остаться наедине с собой, состоит в том, что в этом уединении и молчании он неизбежно встретит Бога и ощутит несоизмеримость своего «я» и божественной Личности, познает свое недостойство и греховность.

Датский философ утверждает, что отчаяние универсально и распространяется на весь человеческий род. На «нулевом» уровне состояния «естественного человека» отчаяние не осознается обывателем. Осознание отчаяния – путь к подлинному существованию, который начинается на эстетическом уровне экзистенции. Однако на этом этапе отношения к действительности обнаруживается слабость духа, когда не желают быть собою, стремятся быть другими, носить «маски».

На этическом уровне осознания отчаяния, наоборот, желают быть собою, до такой степени, что обманываются относительно своего подлинного предназначения. Этическому уровню причастности к отчаянию присущи такие пороки, как гордость и тщеславие. В своей крайней форме этическое отчаяние-вызов оборачивается отчаянием демоническим, то есть желанием навязать собственное понимание своего места в бытии Творцу. Религиозное отчаяние обладает целительной силой: оно помогает «утратить себя, чтобы

заново обрести». Здесь происходит духовное преобразование человека: отчаяние достигает наивысшей точки напряженности – и как бы снимается парадоксом веры, перевоплощаясь в раскаяние. Экзистенциальный смысл категории отчаяния состоит в том, что осознание человеком глубины своего отпадения от Бога, своей «ничтожности», может помочь ему обрести подлинное бытие.

Многие мудрецы, от античного философа Демокрита до мыслителя XX столетия Ж.-П. Сартра, пытались проникнуть в природу страха. Впервые феномен страха открылся великому датскому мыслителю в 1844 году. О своем открытии Кьеркегор написал небольшую по объему книжечку, которую так и назвал – «О понятии страха». Переведенная на английский язык лишь сто лет спустя, она стала поистине классикой современного экзистенциализма.

Само собой разумеется, что страх существовал и до того момента, когда о нем поведал Кьеркегор, и действительно мы видим, что уже в сочинениях писателей древности встречаются описания состояний, вызванных страхом, тревогой. В произведениях Гиппократов перед нами предстают, по меньшей мере, два типа фобической личности. Первого из них охватывал ужас, когда он слышал звук флейты; второй же мужчина никак не мог пройти вдоль «даже самой мелкой канавы», хотя ему и не составляло труда «прогуляться» непосредственно по ней самой.

И все-таки именно Кьеркегору приписывается первое описание страха как состояния неопределенного, расплывчатого беспокойства, отличного от обычного понимания страха тем, что хотя никакой очевидной опасности, казалось бы, и не существует, тем не менее, она распространена повсюду и не дает спастись «ни в развлечениях, ни в повседневной суете, ни в работе, ни в игре, ни днем, ни ночью».

Понятие «страх» - это такое бытие, которое противопоставлено свободе, начальная характеристика бытия, существования. Страх выражает сущность личности, его свободу перед лицом смерти. Он – интимнейшее переживание и является истинным существованием человека, в противоположность неистинному. Истинное существование человек не может передать никому другому, а неистинное может разделить с другими.

«Страх бездуховности» присущ «нулевому» уровню экзистенции. В состоянии бездуховности страх «в глубочайшем смысле» еще как бы не присутствует, он «спрятан» и еще не проявляет себя, нет в бездуховности и понятия вины и греха. На эстетическом уровне, уровне непосредственности, примером служит страх гения. Гений эстетического уровня помещен за пределы всеобщего, он судит себя сам, поэтому и виновным себя не считает. Страх гения больше всего проявляется в мгновении победы (победитель

обладает всем, но он внезапно может все и потерять). На этическом уровне страх определяется как вина. Вина – это Ничто этического страха. Именно вина полагает человека в качестве «единичного» страха. Примером этического страха служит, как полагает Кьеркегор, иудаизм. В нем страх перед виной выражается в институте жертвоприношения. Вина здесь только возможность. Религиозный же человек, в отличие от этика, должен полагать себя виновным изначально. Страх религиозного уровня обретает конкретные очертания – это «страх греха». Страх перед грехом Кьеркегор обозначает как отчаяние. Истинный страх и подлинная вера тождественны.

Кьеркегор видел жизнь как отношение, построенное по принципу «либо-либо». Либо вы верите в Христа и ведете благочестивую жизнь, либо вы отвергаете Бога и живете ради собственного удовольствия. Хотя в действительности – это не важно. Вы все равно будете чувствовать тревогу. Ибо она – неотъемлемая часть существования человека. В этом и заключается фундаментальный принцип экзистенциализма.

Вера в Бога, говорит далее Кьеркегор, предполагает некий «скачок». Никаких доказательств бытия Бога не было и нет, да и сам поиск доказательств антирелигиозен. Главное же то, что каждый человек обладает свободой выбирать. И именно эта свобода – при отсутствии гарантий правильного выбора – является источником тревоги.

Между собой экзистенциалисты делятся на две группы – на теистов и атеистов. Но справедливости ради надо заметить, что те, кто верит в Бога, видят мир практически точно так же, как и неверующие. И мир, независимо от выбора пути, по-прежнему остается довольно печальным местом. Паскаль, предшественник Кьеркегора, живший в XVII веке, описал существование человека точно так же, как это сделал бы любой экзистенциалист: «Если я рассматриваю короткий отрезок моей жизни, который проглочен вечностью, что ему предшествовала и последует за ним; если я рассматриваю ограниченное пространство, которое я занимаю, и то, что я вижу, погружается в безграничные бесконечности пространства, которых я не знаю и которые не знают меня, я ужасаюсь и удивляюсь, что я вижу себя здесь, а не там, почему теперь, а не когда-нибудь. Кто меня создал здесь? По чьему приказу и под чьим руководством определены для меня именно это место и это время?

Видя слепоту и страдания человека, видя безмолвную Вселенную и человека, находящегося во мраке, предоставленного самому себе в этом уголке Вселенной, не знающего, кто поместил его сюда, для чего он здесь и что будет с ним, когда он умрет, неспособного к знаниям, – я начинаю бояться, подобно тому, как если бы вас перенесли во время сна на ужасный пустынный остров, и вы просыпаетесь, не зная, где вы, и не имея никакой

возможности этот остров покинуть. Вот потому-то я и изумляюсь, видя, что люди не впали в отчаяние, пребывая в столь ужасном положении».

Да, Кьеркегор был охвачен отчаянием, но происходило это вовсе не по причине того, что он находился в ужасном положении. Проистекало оно из его знания о добре и зле, а также из бремени личного выбора, которое нес на себе философ. Все экзистенциалисты сходятся на том, что именно свобода выбора, а отнюдь не покоящийся на атеизме мир вызывает страх и тревогу. «Когда я вижу свои возможности, – писал Кьеркегор, – я испытывают тот страх, который есть головокружение от свободы. И свой выбор я делаю, будучи охвачен страхом и трепетом». Больше выбора – большее осознание выбора – больше тревоги. Особенно большую тревогу испытывают творческие натуры – это происходит от того, что акт творчества предполагает необычайно широкие возможности для выбора. Рядовые же натуры пытаются его избежать. Попав в трудную ситуацию, они говорят: «Это невозможно. Ничего нельзя сделать». Они пытаются раствориться в развлечениях, спорте, сексе, различных занятиях, пьянстве, во всем, в чем угодно, лишь бы избежать осознания свободы. Не случайно С. Кьеркегор говорил о XIX веке как об «эпохе трусливых», в которую каждый делает все возможное, чтобы путем различных увеселений и янычарской музыки, всякого рода шумных предприятий удерживать в стороне ненужные мысли, подобно тому, как в лесах Америки они не подпускают в себе диких зверей при помощи факелов, пронзительных воплей и звуков цимбал...»

Однако все попытки избежать тревоги обречены на неудачу. Совершая это, писал он, человек тем самым теряет прекрасную возможность для формирования собственной личности, для становления ее. «Если бы человек был зверем или ангелом, то состояние тревоги было бы ему незнакомо. Но поскольку он и то и другое, то, стало быть, подобное состояние ему известно, и чем более тревога, тем значительнее человек. Кьеркегор считал тревогу, которая приучает людей встречать смерть лицом к лицу и искренне воспринимать положение, в котором человек оказался... Когда кто-либо, пройдя школу возможностей, знает, и притом более основательно, нежели ребенок знает алфавит, что не может потребовать от жизни абсолютно ничего и что террор, уничтожение и гибель служат для каждого весьма серьезным препятствием, и когда он извлекает полезный урок по поводу того, что каждая тревога может в любой последующий момент перерасти в реальность... то он превозносит реальность.

Те же, кто отказывается таким образом превозносить реальность, не заслуживают сожаления. Человек свободен. Однако его свобода не похожа на славную свободу эпохи Просвещения, это более не дар Божий. И вновь человек стоит посреди Вселенной, в его силах распорядиться собственной

судьбой и решить, остаться ли на низшей ступени либо достичь звезд». Кьеркегор выбрал христианство, Сартр – атеизм. Но главным было то, что они сделали выбор. В этом – миссия экзистенциализма.

Экзистенциализм же был восстанием против разума. «Разум – это блудница, – говорит Кьеркегор, которую легко можно купить». Вера в разум пошла путем религиозной веры. Но когда человек теряет веру в религию и разум, то во что он *может* верить? Ни во что, отвечают экзистенциалисты. Неважно, что он когда-то во что-то там верил. У него есть возможность выбирать и действовать! При этом он все равно будет беспокоиться, и очень сильно.

Кьеркегор в книге «Страх и трепет» пересказывает библейскую историю из «Ветхого Завета». Задумал Господь испытать Авраама, главу человеческого рода. Вот тебе повеление. Не барашка заколи, а собственного сына. Что делать? С одной стороны, страшная пытка. Самому убить сына. Как это возможно? Но, с другой стороны, это ведь Божий наказ. Допустимо ли ослушаться? Может быть, проще остаться с сыном, отречься от Бога? Легко сказать. Думай, Авраам, думай, решай...

В этике Кьеркегора тоже содержится отвержение предназначенных предписаний. Правда, принципы высшего добра и нравственного долга не оспариваются этим мыслителем. Но он придает им статус личностных, индивидуальных исканий: человек должен выстрадать эти ценности как результат собственного неповторимого опыта. Нравственность гибнет как только появляется грех. Раскаяние, то есть уникальное, индивидуальное чувство, есть высшее напряжение нравственного.

Кьеркегор, пишущий с таким пафосом о вечном и абсолютном значении человеческого существования, одновременно стремился затронуть вопросы реальной жизни. Он поставил проблему возможного антагонизма между счастьем и достоинством человека, предпочитая достоинство счастью, то есть фактически выступал против просвещенческого идеала человека. Согласно Кьеркегору, стремление человека к счастью, понимаемому как равновесие существования, является фальшью, поскольку ведет к тому, что человек живет в неистине. Он противопоставляет этому свободу и достоинство, рассматривая их не как состояние, а как процесс постоянной борьбы личности за свою человечность. Подобное противопоставление характерно не только для Кьеркегора. До него его обосновал И. Кант, позже Ф. Достоевский.

Значительное место в рассуждениях Кьеркегора занимает мысль о том, что человек, живущий в неистине, хочет не только благополучия, но и оправдания своей жизни. Он убегает в коллективную жизнь, в анонимность толпы не только для того, чтобы освободить себя от принятия

самостоятельных решений: толпа дает ему убеждение в том, что он поступает правильно. Это, в конечном счете, позволяет обрести и сохранять чувство собственного достоинства. Этика используется при этом для оправдания своей беспринципности и безответственности.

Кьеркегоровская концепция человека отказывается от традиции европейского гуманизма, который имеет ряд особенностей. Эти особенности таковы: связь достоинства человека с его разумностью; понимание сущностной разумности человека как условия его способности объективного распознавания добра и зла; параллельность человеческого существования и объективного морального порядка, которая выражается в стремлении к реализации добра-счастья, истины-красоты; осуществление человечности во внутренней гармонии личности, ее экзистенциальном (человеческом, трепетном) равновесии; единство и однородность разумной человеческой природы, что находит выражение в симметричности чувств, открывающее возможность полного взаимопонимания между людьми и их гармонического существования.

У Кьеркегора получает дальнейшее развитие мысль Канта о необходимости иного – не интеллектуального и не биологического – обоснования абсолютного достоинства человека. Отбросив кантовскую идею морального закона, содержание которого неизбежно и доступно сознанию каждого человека благодаря активности воли, Кьеркегор разделяет его убеждение в том, что истинная человечность реализуется в этической сфере свободы человека благодаря активности воли. Но она проявляется в выборе. Противопоставляя, подобно Канту, человечность, свободу, достоинство личности – счастью, Кьеркегор приходит к выводу, что моральный человек с глубокой душевной жизнью, неизбежно несчастлив.

Кьеркегор выступает сторонником своеобразной идеи равенства, согласно которой идея человечности одинаково доступна в этической сфере каждому человеку. Здесь все люди равны и имеют одинаковые шансы, позволяющие подтвердить свои абсолютные ценности. При этом акцент в истолковании человечности делается не на обращении к неземной жизни, а на существовании личности как свободы, творящей ценности и как существования, которое разворачивается здесь и теперь. В результате существование личности обретает у Кьеркегора интенсивно динамические характеристики и становится более проблематичным, оказываясь разорванным уже не между телесностью и сознанием, а внутри самого личностного сознания. Это является источником человеческого страдания, основным условием человеческой человечности.

При этом личность ответственна не только за действия, вытекающие из ее свободного выбора, но и за причастность своего существования к истории

человечества, за все, что она может сделать для того, чтобы развитие свободы других людей привело их к жизни в истине. Обоснование смысла, во имя которого человек должен брать на себя тяжесть абсолютного долга, дает не наука, а этическое знание о структуре человеческого существования. В нем человек становится собой лишь в активной деятельности, направленной на развитие человечности других людей.

Кьеркегор раскрыл значение диалектической связи между подлинным и неподлинным видами субъективного существования. Он интериоризировал гегелевскую диалектику, микрокосм обратил в макрокосм, но, подобно Канту, он поставил перед нами проблему связи внешнего с внутренним, феноменального с ноуменальным. Важно отметить, что, когда Хайдеггер обратился к проблеме личности и мира, находясь под сильным влиянием и Канта, и Кьеркегора, он пришел к выводу, что и личность, и мир суть необходимые способы существования. Между ними не может быть морального выбора.

Т.В. Щитцова отмечает, что у Кьеркегора «самоопределение человека в бытии не заслоняется и не ассимилируется актом богоотношения, в противном случае, не могла бы возникнуть сама постановка вопроса об экзистенциальной философии как онтологии человеческого бытия» [9, с. 9].

Для Сартра и его последователей жизнь не имеет ни смысла, ни цели, но вместе с тем индивиды могут «внушить» смысл своему существованию, прибегая к выбору, который *утвердит* их как личности. Первый и наиболее опасный вариант выбора состоит в следующем, а не совершить ли самоубийство. Поскольку последнее отвергается, то жизнь превращается в последовательную цепочку выборов... И это – выбор между добром и злом.

Для экзистенциалистов прошлого века правильный выбор означает самоотверженно принятое решение действовать, как если бы жизнь имела цель или смысл. Соверши это, говорит Сартр, вступи в Сопротивление, пиши книгу, спеши на службу. Совершай даже тогда, когда все твои усилия напрасны. Награды на небесах не будет, да и на земле, вероятно, тоже.

Положение человечества, как это виделось Сартру, абсурдно и трагично, но люди все-таки в силах достигнуть чистоты, величия и доблести. Человек может бросить вызов миру даже в случае неудачи.

Те же, кто отказывается таким образом превозносить реальность, не заслуживают сожаления. Выражая мнение экзистенциалистов, философ Вальтер Кауфманн писал: «Все человеческие алиби неприемлемы: за это не отвечают никакие боги, первородного греха не существует: никакой наследственности и никакого окружения, никакой расы, касты, отца или матери; никакого упорствующего в своих заблуждениях образования:

никаких воспитательниц и учителей, ни даже порыва или предрасположенности, никаких комплексов или детских травм. Человек свободен. Однако его свобода не похожа на славную свободу эпохи Просвещения, это более не дар Божий. И вновь человек стоит посреди Вселенной, в его силах распорядиться собственной судьбой и решить, остаться ли на низшей ступени либо достичь звезд».

Кьеркегор выбрал христианство, Сартр – атеизм. Но главным было то, что они сделали выбор. В этом – миссия экзистенциализма.

Экзистенциализм не является философией. Это, по словам Кауфмана, этикетка для обозначения нескольких чрезвычайно разнородных проявлений бунтарства против системы традиционной философии. Справедливости ради следует отметить, что многие из ныне здравствующих экзистенциалистов отвергли подобного рода ярлык. Вот почему сбитый с толку посторонний человек, говорит Кауфманн, может придти к выводу, что единственное, что есть у них общего, – это так называемая антипатия друг к другу.

Экзистенциалисты не предлагают ничего, чтобы напоминало метафизическую систему или же какую-нибудь этическую доктрину. И можно со всей ответственностью заявить, что упомянутые три автора, чьи имена вы увидите в любой книге об экзистенциализме – Ясперс, Хайдеггер и Сартр, – сошлись, кажется на одном: человек свободен в выборе и эта свобода является источником тревоги.

Вообще-то экзистенциализм – явление новое, появившееся после Второй мировой войны. Не случайно Бертран Рассел в своей фундаментальной истории философии, написанной им в 1945 году, ни словом не упоминает ни Кьеркегора, ни экзистенциалистов. Кауфманн же определяет его как «вечную чувствительность, которую встречаешь в прошлом тут и там; но только лишь в недавние времена она оформилась в непрерывный протест и озабоченность».

Но почему же столь мрачные идеи появились именно в давний период истории? Тому есть несколько причин. В западной цивилизации век Веры уступал в XVII и XVIII веках место Просвещению. Наступил век Разума. В эпоху средневековья религиозная вера, роль королевской власти и весь средневековый общественный порядок, как таковой, являлись гарантиями жестко обусловленного поведения индивида. Сомнение – источник тревоги – было явлением чрезвычайно редким. Люди средневековья знали, кем они были и что их ожидает.

Перемещение акцента с веры на разум открыло дорогу сомнению, а следовательно, и тревоге. Интересно то, что поначалу вера в разум была столь же абсолютной, как и вера в Бога. Например, Спиноза считал, что хотя страх и неотделим от надежды, но обе эти слабости можно довольно легко

преодолеть с помощью разума. Он верил в то, что состояния безмятежности можно достичь очень просто – надо только приказать нашим мыслям и образам. Гегель создал трактаты, в которых доказывал, что нет ничего более разумного, чем существование Бога. Восемнадцатый век был эпохой великого оптимизма и веры в прогресс, когда люди считали, что наука, демократия и разум обязательно приведут ко все более возрастающему преуспеванию, здоровью и счастью.

Но в действительности этого не произошло. Да, конечно, европейцы и американцы XX века куда здоровее, нежели их средневековые предшественники. Но весьма проблематично ответить на вопрос, счастливее ли они. К тому же процветание захватило отнюдь не все районы земного шара. Индустриализация, урбанизация, материальные удобства, подвижность – ничто не оказалось в состоянии обеспечить спокойную жизнь, жизнь без волнений и тревог.

К середине XIX века, уже во времена Кьеркегора, власть разума превратилась в объект ожесточенных нападков. Страсть, а не разум – вот общий лозунг Руссо и романтиков. Погребальный звон по разуму прозвучал во время Французской революции, когда соборы были превращены в храмы Разума. Вот как это описывалось в одной из книг: «...за несколько дней до того, как Коммуна приказала закрыть все церкви города, в соборе Нотр-Дам состоялось грандиозное празднество в честь Разума. Четверо граждан внесли туда какую-то молодую актрису, игравшую роль богини Разума. Одета в белые одежды и закутанная в голубой плащ, накинутый на плечи, увенчанная красным колпаком свободы, она шла в сопровождении группы девочек, также одетых в белое и украшенных розами. Она восседала на увитом плющом кресле, и тем временем звучали речи и лилась музыка. Мимо проходили торжественным маршем солдаты, неся бюсты мучеников революции».

Все это происходило в тот момент, когда жестокая повальная резня превратила улицы Парижа в кровавые реки. Экзистенциализм же был восстанием против разума. «Разум – это блудница, – говорит Кьеркегор, которую легко можно купить». Вера в разум пошла путем религиозной веры. Но когда человек теряет веру в религию и разум, то во что он *может* верить? Ни во что, отвечают экзистенциалисты. Неважно, что он когда-то во что-то там верил. У него есть возможность выбирать и действовать! При этом он все равно будет беспокоиться, и очень сильно.

Интересно, что под влиянием экзистенциализма и последнего тезиса У. Оден написал в 1947 году о своем столетии – «век тревоги». Кстати, именно с тех пор это словосочетание вошло в наш словарь. По его мнению, век тревоги обязан своему появлению многим причинам. Потеря религиозной веры, упадок морали, кризис семейной и общественной жизни, разочарование в

науке, чрезмерный индивидуализм, материализм, секуляризация, индустриализация, урбанизация, угроза ядерного уничтожения – все это ведет нас к внутреннему хаосу, отчужденности, неуверенности в отношении общепринятых ценностей и норм поведения. Все это, по словам Одена, превращает нас в некое подобие перекасти-поля, в существа, ни с кем и ни чем не связанного.

Сочинения Кьеркегора являются в полной мере традиционным предметом изучения для философов и теологов, но не для эстетиков и литературоведов. Это положение значимо даже для работы «Или-или» (1843), в которой Кьеркегор называет себя писателем и известной прежде всего своим эстетическим художественным характером. Автор стремится рассмотреть литературную и эстетическую характеристику названного сочинения, исходя из герменевтического анализа ситуации. Мы можем смотреть на героев Кьеркегора лишь глазами людей XX века, а здесь нас подстерегают определенные трудности. Современная герменевтическая ситуация характеризуется тем, что по сравнению с XIX в., мы имеем другие ценностные установки, и здесь, по словам Гадамера, нужно правильно оценить значение традиций.

Цель книги – В. Пульмера – анализ художественного составляющего «Или-или», то есть того измерения, которое подавлялось протестантской буржуазной этикой. Его можно реализовать благодаря воспоминаниям друзей Кьеркегора, а также при посредстве позднейшей герменевтической ситуации. Эстетическое измерение не дано в тексте Кьеркегора в раскрытом виде, его необходимо реконструировать. Интерпретация автора основывается, однако, не на философском содержании сочинения датского философа, а на характере авторского выражения, которое понимается в том смысле, который придал ему Т. Адорно, – как «явления объективного, связанного с субъективным», как бессознательной историографии и памяти накопленных страданий, которые выявляются здесь через посредство эстетического».

«Дневник обольстителя» и «Ультиматум» являются центром обеих частей сочинения. Поэтому как связь для первой части рассматривается «Дневник»: инкогнито обольстителя и его художественная самоданность. Анализируются связь эстетики Кьеркегора с эстетикой Гегеля и отношение обольстителя к действительности, причем подробно исследуется связь образа обольстителя с подобными же образами в творчестве иенских романтиков.

Далее рассматривается «Ультиматум» представителя этического начала в человеческой деятельности, выполненной в виде проповеди. Если «Дневник» в сущности есть формальное выражение монологического, то «Ультиматум» написан сам в диалогической форме.

Н.А. Бердяев, обосновывая идею личности, часто ссылается на С. Кьеркегора, хотя и полемизирует с ним. Действительно, без датского философа трудно понять внутренний мир личности, особенности его экзистенциального самочувствия.

Список литературы:

1. Гайденоко, П. М. (1970) Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания С. Киркегора. М.
2. Гуревич, П. С. (2008) Философия. Учебник для психологов. М.
3. Левичева, Е. Н. (2002) Существование человека в контексте философии Кьеркегора // АСПЕКТЫ: Сборник статей по философским проблемам истории и современности. М. , с. 124-132.
4. Лунгина, Д. А. (2007) Кьеркегор // Культурология. Энциклопедия. Т. 1. М., с. 1087-1090.
5. Подорога, В. А. (1993) Метафизика ландшафта. М.
6. Сёрен Кьеркегор: жизнь, философия, христианство. (2004) СПб.
7. Философия Кьеркегора и современность. (1996) Минск.
8. Хоружий, С. С. (2008) Синергическая антропология: на путях к новой конституции антропологического дискурса // Спектр антропологических учений. Часть 2. М. : ИФ РАН.
9. Шитцова, Т. В. (1996) Экзистенциальная философия как онтология человеческого бытия (Паскаль, Киркегор, Бахтин). Автореф. дисс. канд. филос. н. Минск.